

Сборник свидетельствует о довольно широком спектре подходов к исследуемым проблемам – от немногословного анализа результатов археологических раскопок в древних московских монастырях до претенциозного семиотического дискурса. Сам иконостас от этого только выигрывает. Множество ипостасей подчеркивают его же уникальность. Поскольку оформление книги программно воспроизводит чуть ли не всю историю алтарной преграды – от ее изображения на ранневизантийском литургическом дискосе до иконостаса кремлевского Благовещенского собора, с которым соседствует интерьер Киевской Софии, отсылающий к иконостасу – образу храма, читатель сталкивается с впечатляющим изобразительным рядом, который опять-таки выявляет масштаб иконостаса как феномена православной культуры.

Даже сборник в более чем семьсот страниц не может охватить все возможные эпохи и регионы. Так, явным фаворитом новой книги оказалось средневековье, тогда как богатая событиями история позднейших иконостасов была в ней едва затронута. Однако подобные упущения трудно вменить во грех – в конце концов, это не настольный справочник. Достоинства и недостатки конкретных текстов все вместе замечательно передают атмосферу реального, а не декларативного поиска и живого интереса к теме. И все же очевидно, что это начальный этап. В ближайшем будущем полученным выводам придется пройти традиционную апробацию временем. Хочется подчеркнуть, что благодаря этому сборнику разрушена иллюзия отсутствия сюжета. Иконостас впервые предстал перед читателем в качестве некоего культурообразующего феномена, ценного не только из-за своих чисто эстетических качеств. Стоит порадоваться тому, что сакральное пространство вокруг алтарной преграды активно обживают современные российские исследователи.

А. Преображенский

N o r w i c h J.J. Byzanz. Ausgabe: Econ. 1998. Bd. I. 520 S.; Bd. II. 519 S.; Bd. III. 560 S.

Сочинение Джона Юлиуса Норвича «Византия» представляет собой жанр высокой научно-популярной литературы. В книге создан довольно точный облик Византии с присущим только ей «ароматом» реалий, с гармонией ее культуры. Сам Дж.Ю. Норвич, определяя характер своей книги, указал на то, что его основное намерение – заинтересовать историей Византии непрофессионалов, причем Византией, описанной «с птичьего полета», от чего сам автор испытывал ощущение волшебства, исходящего от Восточного Средиземноморья. Он поведал, что в процессе работы над книгой он отдал душу и одновременно получил удовольствие¹.

Рецензируемое немецкое издание трехтомника Дж.Ю. Норвича переведено с английского². Перевод столь объемной и изысканной по стилю книги осуществлен коллективом – Э. Матилле (Матилле), У. и М. Хальбе (Хальбе–Бауер), К. Ванг (переводческое бюро Ноймайстер–Тарони в Мюнстере).

Джон Юлиус Норвич (род. в 1929 г.) в прошлом был дипломатом, в частности, принимал участие в посольствах в Белград и Бейрут как член британской организации на конференции по разоружению под руководством министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера. С 1964 г. лорд Норвич стал заниматься свободным писательским трудом и как историк работает в институте. Помимо труда по истории Византии, им написаны с такой же силой «вживаемости» в эпоху книги по истории Венеции и Сицилии³, что подтверждает его внимание преимущественно к региону Восточного Средиземноморья.

В изложении Дж.Ю. Норвича история Византии разделена на три больших периода (и соответственно на три тома). Первый период («Подъем Восточноримской империи»)

¹ Norwich J.J. / Byzanz. Bd. II. S. 10.

² Norwich J.J. Byzantium. L., 1991.

³ Norwich J.J. A History of Venice. L., 1982; *Idem*. The Norman in Sicily. L., 1992.

охватывает эпоху от IV в., т.е. от основания Константинополя, до 800 г., до коронации Карла Великого императором; второй период («На вершине власти») автор относит ко времени от 800 до 1071 г., до битвы при Манцикерте; третий период («Упадок и крах») – от названной битвы до взятия Константинополя турками в 1453 г.

Как видим, периодизация в сочинении не совсем обычная. В византиноведческих исследованиях время Комнинов не рассматривается как эпоха безнадежного упадка. В нем, как известно, видят «загадку»⁴, уже долгое время с большим или меньшим успехом разгадываемую⁵. Согласно избранной Дж.Ю. Норвичем периодизации, нелогично разорваны отдельные процессы и явления. Так, начало политики иконоборства оказалось изложенным в первом томе книги (гл. 17), а продолжение этого сложнейшего явления в несколько дробном варианте предложено читателю во втором томе (гл. 2, 4). «Разорванной» по томам оказалась и эпоха «темных веков», собственно, подготовительный период, предшествовавший превращению Византии в средневековое государство. Самим понятием «темные века» автор вообще не воспользовался, хотя его, в соответствии со стилем книги, можно было бы подать не столько в социальном, сколько в более узком смысле, как период, о котором источники говорят очень мало.

Точками отсчета для избранной автором периодизации стали в основном либо чисто внешние для истории Византии факты, либо обстоятельства внешнеполитического плана. Пожалуй, только факт основания Константинополя не может быть отнесен к подобным критериям, но и империя в тот период еще не была Византией. Дж.Ю. Норвич, замечая, что у него не было оснований – в связи с замыслом книги – для претензий на академическую точность, признался, что он мало знал о Византии, начиная книгу, и многие уже забыл из того, что уже написал (т. II, с. 9). «Хозяйственный аспект», как его определяет британский исследователь, не привлек его внимания. Объем книги, согласно автору, тоже не позволил бы ему поднять эти вопросы. К тому же и интереса к этой стороне истории он не испытывал («я не хозяйственник» – там же).

В объяснении событий порой проскальзывает красивая наивность. Сохранение же империи во время Михаила VII и Никифора III, когда полчища сельджукских отрядов давили с Востока, Дж.Ю. Норвич объясняет так: «...казалось, что дни империи были сочтены, но как не раз случалось в византийской истории – Константинополь оказался под божественной защитой – спасение пришло в последнюю минуту: после многих лет абсурдного правления на византийский престол взошел Алексей Комнин» (т. II, с. 11).

Трудно было бы представить в контексте книги – в связи с особенностями ее жанра – разработку или хотя бы пересказ социальных явлений, которые, впрочем, лежали в основе всех масштабных процессов в истории Византии. Не менее трудно было бы наблюдать погружение автора в глубину мистических разногласий (предположим, XIV в.), хотя без них, казалось бы, невозможно прикоснуться к византийскому материалу. Однако текст книги Дж.Ю. Норвича производит впечатление очень гармоничного творения. Законы жанра диктовали автору четко определенное исследовательское поле: это политическая история многонациональной (что неоднократно подчеркивается) империи, это галерея портретов тех, кто был на вершине власти, с их победами, взлетами судьбы, поражениями, свадьбами, рождением детей, болезнями.

Главы, особенно их названия, носят в книге зачастую эмоциональную, а порой и интригующую окраску. Приведем несколько примеров: «Император, который потерял свой нос» (о Юстиниане II – т. I, гл. 16); «Патриархи и заговоры (867–866)» (т. II, гл. 5); «Двойная смерть» (о Варде и Михаиле III – т. II, гл. 6); «Мягкий узурпатор» (О Романе Лакапине – т. II, гл. 10); «Бледная смерть сарацинов» (о Никифоре Фоке – т. II, гл. 12); «Небеса ликуют!» (т. III, гл. 23). Чаще же главы названы именами императоров: Константин Великий (т. I, гл. 1), Юлиан Отступник (т. I, гл. 4), Феofil (т. II, гл. 3), Василий Македонянин (т. II, гл. 7), Лев Мудрый (т. II, гл. 8), Иоанн Цимисхий (т. II, гл. 13). Иногда к именам автор добавляет эпитеты. Так, например, Иоанн Прекрасный (т. II, гл. 5), Андроник Ужасный (т. II, гл. 9). Постраничные заглавия дают читателю «путеводную

⁴ *Каждан А.П.* Загадка Комнинов (Опыт историографии) // ВВ. 1964. Т. 25. С. 53–98.

⁵ *Kazhdan A.P., Epstein A.W.* Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkley: Los Angeles; London, 1985.

нить» и иногда предварительную оценку факта или политического деятеля: «Террористический режим (602 г.)», «Совет евнуха (914 г.)», «Мистическая смерть Константина (904 г.)», «Тайное соглашение (963 г.)», «Последняя болезнь Мануила (1180 г.)», «Вина без искупления (1205 г.)», «Императрица Анна идет на уступки (1345 г.)».

Достоинством книги является стремление ее автора использовать с впечатляющей полнотой сочинения византийских авторов: они вплетены в ткань текста соответствующей эпохи, а извлечения из них использованы в качестве неперменного эпиграфа к каждой главе. Правда, эпиграфы могут, наряду с выдержками из Михаила Пселла или Никиты Хониата, представлять собой цитаты из трудов Э. Гиббона или Ш. Дяля.

Трехтомная книга Дж.Ю. Норвича эстетически и технически прекрасно оформлена. Великолепно выполнены суперобложки и иллюстрации внутри глав. Каждый том оснащен картами, генеалогическими и синхронистическими таблицами, регистрами имен и территорий. Главы имеют комментарии, а каждый том – соответствующую освещаемому периоду библиографию, представленную преимущественно монографиями западно-европейских ученых, а также материалами энциклопедий и справочников. Из сочинений русских авторов использованы лишь американские труды А. Васильева.

Даже такое издание, технически детально продуманное и выполненное, не лишено мелких опечаток (например, Георгий Кедрин назван Крединим – т. II, с. 8).

Книга, как оговаривает и сам автор, не принадлежит к научным изданиям, но она настолько гармонична в своей композиции, а желание автора не нарушить присущего стране характера внутренних связей столь очевидно, созданные им портреты столь выразительны, что читатель расстанется с ней после прочтения еще раз вернуться к героям повествования. Хотелось бы увидеть книгу Дж.Ю. Норвича в русском переводе, чтобы кто-то из тех, кому почти неведома история Византии (а таких в России, увы, великое множество), взял с полки один из ее томов и вместе с автором открыл для себя почти забытую всеми, кроме специалистов, страну. Такая книга, появившись в русском переводе, пожалуй, в большей степени, чем труды византинистов-профессионалов, поспособствовала бы формированию «византийского пласта» в русском национальном самосознании.

Для характеристики трехтомной книги Дж.Ю. Норвича в полной мере можно использовать слова, вынесенные на суперобложку одного из томов: «Как историк Норвич знает факты. Как писатель он обладает тонким ощущением прекрасного, любви к языку и внимательным взглядом».

М.А. Поляковская

Le partage du monde. Échange et colonisation dans la Méditerranée médiévale. Actes du colloque international. Conques, 1995/Ed. M. Balard, A. Ducellier. Paris, 1998. 494 p.

Памятные даты зачастую являются мощным стимулом для привлечения внимания историков к тем или иным событиям прошлого. Третий международный colloquium по истории средневековой колонизации, проходивший во французском Конке в 1995 г., совпал по времени с двумя юбилеями: 900-летием Клермонского собора, положившего начало эпохе крестовых походов (1095), и 500-летием договора между Испанией и Португалией в Тордесильясе, когда впервые в международном праве было документально оформлено разделение мира на сферы влияния (1494). И если с первым из событий связана вся последующая история средневековой колонизации, то второе позволяет говорить уже о «средневековых прецедентах» колонизации современной, ведь именно в ходе новой и новейшей истории «традиция» разделения мира получила свое продолжение. Эти события определили и основную тему colloquiuma – «le partage du monde» и проблематику большей части докладов, представленных в рецензируемом сборнике. В целом книга и тематически, и методически продолжает линию на изучение средневековой ко-